

Источник: Таганрогский вестник
Дата выпуска: 09.10.1993
Номер выпуска: 38
Заглавие: «...Звук точно с неба»
Автор: В. Скуратовский

Перепечатка с сокращением из журнала «Театр», 1993, №3 (март)

"Вишневый сад" А.П. Чехова. Постановка Ю. Калантарова. Художник Т. Сельвинская. Костюмы О. Кулагиной. Музыкальное оформление Э. Хилия. Театр имени А.П.Чехова, Таганрог.

Спектакль Ювеналия Калантарова "Вишневый сад" в Таганрогском театре яростно оспаривает тезис бесспорного, фактурно-исторического несходства чеховского мира и катастрофических миров последующей русской истории.

Он весь в поисках тех грозных и даже страшных голосов чеховского театра, как бы реверберирующих затем в грозных и страшных коллизиях последующей русской истории. Или наоборот - исторические катастрофы, как бы возвращающиеся в "Вишневый сад" начала века, столь исключительного даже в общем нерадостном контексте веков предшествующих.

Есть вопрос, который явно нарушает священнейшее "римское право" художника вообще (и, в частности, художника-интерпретатора, театрального режиссера), - истолковать то или иное произведение по своему разумению: имеет ли он к тому право?

Бесспорно, имеет, так как в состав этого, разумеется, прежде всего входит историческое время, режиссеру отпущенное, а не какой-либо наивный субъективный произвол. А время это рождается из стихий времен предшествующих. И нет ничего в нашем времени - даже в самой грозной и страшной его сумме, - чего бы не было в чеховской эпохе.

В эпохе, когда молодой Вернадский - до смешного похожий на традиционный сценический образ доктора Астрова - предсказал расщепление атома. В 1887 году.

В эпохе, когда возникли первые концентрационные лагеря, воздвигнутые англичанами для буров. В 1890-х годах.

В эпохе, когда в России зарождается чудовищный по своей беспощадности и бессмысленности политический террор, чьей жертвой в равной степени могли стать и монарх, и случайный прохожий. Начало 1900-х годов.

Калантаров берет чеховскую пьесу - вопреки уже почти столетней традиции ее почти сентиментально- лирического истолкования - и сообщает ей не просто экспрессионистскую, но именно прогностическую ярость.

...Может быть, одна из самых страшных сцен о спектакле - "Яша, молодой лакей", едва не овладевающий своей госпожой, вперемежку с просьбой взять его в Париж. Иерархия, сами "приличия" здесь сметаются в порыве уже вовсе не лакейской, но мужской радости, слепого, неумолимого желания и насилия. "Имел ли право режиссер..." и пр. Да, режиссер, среди прочего, не забыл реплику Гаева о сестре: "Все же, надо сознаться, она порочна. Это чувствуется в ее малейшем движении".

И режиссер, как и все мы, держит в уме едва ли не самый жуткий сюжет этого века: унижение женщины как "классового трофея". От распутинщины до бериевщины и всех других их бесконечных повторов и дублей.

Студент Петя Трофимов здесь - яростный адепт должным образом устроенного будущего, в которое он увлекает Аню с той же силой, что и лакей Яша Любовь Андреевну - в грех, Странно и страшно. Совсем не похоже на обычный сценический миф "вечного сюжета". Его силуэт Саванаролы, аскеза, раз и навсегда отвергнутый пол, ораторские интонации, выплескивающиеся за быт, в будущее... Но ведь, в самом деле, не с другой же планеты появятся такие же сутулые, яростные и беспощадные, которые перекалят эту же и всю мировую историю дотла? В этом же спектакле Лопехин, купив Сад, неистовствует. Но ведь у

режиссера все это от чеховских ударных ремарок: "смеется", "хохочет", "топочет ногами", "звенит ключами", на каковой звон немедленно "настраивается оркестр". А также от знания того, как отозвались удары лопахинского "топора по вишневному саду" по всему древу российской истории.

Женщины в этом спектакле - медиумы мужчин, заложницы их яростной воли. В спектакле Калантарова "иностранку" Шарлотту поначалу играла иностранка же, что только подчеркивало ее тройное сиротство - и как иностранки, и как той, "кто я, зачем я, неизвестно..." Женщин здесь якобы развлекают, увлекают в будущее или эрос, ругают и оглушают преждевременным стуком топора, изгоняют из дома, семьи, самой судьбы.

Зловеще-запечатлен жест Яши, одевающего пальто на свою госпожу, - жест утешения и лакейско-мужской власти над ней.

Варя - при двух "прощальных паузах", рушащих ее жизнь. Утонувший ребенок.

Потерявшие все и себя прежде всего - женщины.

Самые сильные и яростные здесь уже готовы истребить друг друга.

И два по-разному, но где-то равно беспомощные старика. Гаев и Фирс.

Чудовищная прогностическая энергия чеховской "пьесы такова, что она успевает сказать о почти ритуальной жертве всех российско-исторических порубок - о стариках, которых непременно, с последовательностью палеоазиатских народов, которые оставляли их на опустевших стойбищах, приносили в жертву этим порубкам. Как вот теперь...

"Про меня забыли..."

Спектакль Калантарова - о российском крушении, с мрачной и темной последовательностью вычитающем, извергающем и перемалывающем все человеческое.

В самом начале этого века был услышан "отдаленный звук, точно с неба". Сигнал грядущей катастрофы.

Режиссер, как и все мы ее переживший, но, понятно, еще не избывший, стремится услышать этот сигнал.

И слышит.

И мы вслед за ним.

Это и есть способ предотвращения катастрофы в будущем.